

Вклад британской дипломатии в разрешение катарского кризиса (2017-2021)

The contribution of British diplomacy to the resolution of the Qatari crisis (2017-2021)

DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-2-66-80

УДК 327

Получено: 14.02.2022

Одобрено: 06.06.2022

Опубликовано: 25.06.2022

Гасанов К.Н.

канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории журналистики филологического факультета РУДН.

e-mail: kamran-bey@mail.ru

Gasanov K.N.

Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of Journalism, Faculty of Philology, RUDN University.

e-mail: kamran-bey@mail.ru

Садыгзаде М.С.

приглашенный преподаватель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

e-mail: msadygzade@hse.ru

Sadygzade M.S.

Murad S Sadygzade, Visiting Lecturer, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, HSE University.

e-mail: msadygzade@hse.ru

Аннотация

В данном исследовании анализируется вклад британской дипломатии в урегулирование катарского дипломатического кризиса 2017 г., который стал одним из значительных вызовов для британской внешнеполитической стратегии «Глобальная Британия». Цель настоящей работы – выявление позиции Соединенного Королевства по отношению к сторонам, являющимися активными акторами катарского кризиса. В работе применялся *факторный анализ*, посредством которого были рассмотрены политическая и социально-экономическая плоскости взаимодействия Великобритании с Катаром и государствами-инициаторами дипломатической блокады. Раскрытие проблемы этого исследования стало еще более актуальным после того, как 5 января 2021 г. на заседании ССАППЗ в г. Аль-Ула Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет подписали заявление о примирении с Катаром. По итогам проделанного анализа было подтверждено, что Соединенное Королевство в силу политических, стратегических и финансово-экономических причин дорожит своими связями как с государством Катар, так и коалицией его противников. В силу геополитической значимости

региона Персидского залива британские власти не могли допустить эскалации конфликта, который мог бы оказать негативное воздействие на мировую экономику, а, в частности, на интересы Великобритании в регионе. Таким образом, британская дипломатия принимала сдержанно-оптимальный и сбалансированный курс на регулирование кризиса, чтобы нивелировать возможности масштабного конфликта и реализовать свои интересы.

Ключевые слова: Катарский кризис, блокада, Катар, Саудовская Аравия, Великобритания, Ближний Восток.

Abstract

This study analyzes the contribution of British diplomacy in resolving the Qatari diplomatic crisis of 2017, which became one of the significant challenges for the British foreign policy strategy "Global Britain". The purpose of this work is to identify the position of the United Kingdom in relation to the parties that are active actors in the Qatari crisis. The work used factor analysis, through which the political and socio-economic planes of interaction between the UK and Qatar and the states initiating the diplomatic blockade were considered. The disclosure of the problem of this study became even more relevant after on January 5, 2021, at a meeting of the GCC in the city of Al-Ula, Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Bahrain, and Egypt signed a statement of reconciliation with Qatar. Based on the results of the analysis, it was confirmed that the United Kingdom, for political, strategic, financial, and economic reasons, equally values its ties with both the State of Qatar and the coalition of its opponents. Due to the geopolitical significance of the Persian Gulf region, the British authorities could not allow the escalation of the conflict, which could have a negative impact on the world economy, and on the interests of Great Britain in the region. Thus, British diplomacy adopted a discreetly optimal and balanced course of managing the crisis to neutralize the possibility of a large-scale conflict and realize its own interests.

Keywords: Qatar crisis, blockade, Qatar, Saudi Arabia, Great Britain, Middle East.

Введение

Эпоха «турбулентности» в международных отношениях и процесс перехода от однополярного мира к новому миропорядку вынуждает акторов мировой политики пересматривать приоритетность своих внешнеполитических интересов и трансформировать политику в отношении других игроков. В этом ключе исключением не является и Великобритания, которая во втором десятилетии XXI в. решила вернуть себе утерянный статус великой державы. Данное предположение делается на основе пересмотра внешнеполитических целей и подходов Великобритании с момента начала процесса выхода страны из Европейского союза, более известного под термином «Брекзит».

Фраза «Глобальная Британия», ставшая одним из основных нарративов после референдума 2016 г. и, по словам тогдашнего премьер-министра королевства Терезы Мэй, определяющая «амбициозное видение Британии после Брекзита, легла в основу внешнеполитической стратегии страны»¹. 16 марта 2021 г. правительство Великобритании опубликовало документ «Глобальная Британия в век конкуренции: Комплексный обзор политики в сфере безопасности, обороны, развития и внешней политики», который определяет стратегию внешней политики страны и закрепляет идеи восстановления и развития позиций на мировой арене². «Глобальная

¹ Global Britain Research Briefing. House of Commons Library. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cdp-2021-0002/> (дата обращения: 12.08.2021).

² Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. HM Government. URL:

Британия» как термин уже укрепился в общественно-политической повестке страны, но до сих пор авторы концепции и власти страны не предоставили развернутого и содержательного пояснения новой внешнеполитической стратегии страны и механизмов достижения заявленных целей.

Но некоторое обобщенное понимание складывается благодаря ряду официальных документов и выступлениям представителей профильных ведомств и структур. В частности, в вышеупомянутом докладе «Глобальная Британия в век конкуренции: Комплексный обзор политики в сфере безопасности, обороны, развития и внешней политики» в предисловии премьер-министр Борис Джонсон отмечает, что Британия наряду с другими «демократическими обществами» привносит значительный вклад в укрепление устойчивого и стабильного мирового порядка и урегулирование глобальных конфликтов и вызовов посредством развития дипломатических связей и расширения торговли и инвестиций³.

В поисках утерянного статуса «сверхдержавы» и расширения своих военно-политических и торгово-экономических связей Великобритания естественным образом, в первую очередь, ориентируется на те страны и региональные объединения, с которыми она была связана исторически. В этом контексте арабские монархии Персидского залива представляют особый интерес, так как у этих стран значительное внимание во внешнеполитической сфере в европейском направлении сконцентрировано на Соединенном Королевстве в последние несколько столетий.

Одним из наиболее сложных испытаний для стратегии «Глобальная Британия» стал Катарский кризис [16], который разразился 5 июня 2017 г. В этот день ряд стран ближневосточного региона во главе с Королевством Саудовская Аравия (КСА), Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Арабской Республикой Египет инициировали разрыв дипломатических отношений с государством Катар. Формальным поводом к возникновению кризиса, по мнению инициаторов блокады, стала поддержка Катаром организаций, занимающихся террористической деятельностью, вмешательство во внутренние дела государств-инициаторов дипломатической блокады и сотрудничество с Исламской Республикой Иран (ИРИ), с которой у арабских монархий Персидского залива наблюдается перманентный кризис в отношениях в течение длительного времени.

Обострение развивалось на фоне кибератаки на сайт государственного информагентства Катара (QNA) в мае 2017 г. и публикации там заявлений от лица эмира Тамима бин Хамад аль-Тани в поддержку Ирана и ХАМАС. В утечках, подлинность которых власти Катара опровергли, содержалось признание эмиром законности борьбы ХАМАС и «Хезболлы». КСА, ОАЭ, Египет, Бахрейн и их союзники объявили экономический бойкот против Катара и приостановили сотрудничество по всем направлениям. 23 июня эмир Кувейта передал своему катарскому коллеге требования государств-инициаторов дипломатической блокады, состоявшие из 13 ключевых положений, при выполнении которых можно было снять блокаду. Среди наиболее сложных для реализации оказались следующие три: закрытие ведущего в регионе телеканала «Аль-Джазира», разрыв дипотношений с Ираном и прекращение военной кооперации с Турцией посредством закрытия турецкой базы в стране. Инициаторы блокады также требовали от Катара выдачу всех лиц, объявленных в странах-инициаторах вне закона. По истечению отведенного в 10 дней срока Катар заявил о невыполнимости требований. Со стороны антикатарской коалиции было выражено сожаление относительно «несерьезного

https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/969402/The_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (дата обращения: 12.09.2021).

³ Там же. С. 3

подхода» властей Катара к проблеме. Адель аль-Джубейр, глава МИД КСА, заявил, что бойкот не прекратится, пока «Катар не изменит свою политику»⁴.

С учетом вышеупомянутой стратегии «Глобальная Британия» для Соединенного Королевства катарский дипломатический кризис 2017 г. стал испытательным треком практической имплементации новых механизмов внешнеполитической траектории развития. Вклад британской дипломатии в урегулирование данного конфликта формировался при учете ряда факторов, что зачастую осложняло процесс принятия решения относительно дальнейших шагов Великобритании, а порой и вовсе ставило под сомнение эффективность ее политики.

Целью настоящей работы является выявление позиции Великобритании во время катарского кризиса. Гипотеза исследования состоит в том, что Соединенное Королевство в силу политических, стратегических и финансово-экономических причин равно дорожит своими связями как с Дохой, так и коалицией ее противников. В то же время в силу геополитической значимости региона Персидского залива Соединенное Королевство не могло допустить эскалации конфликта, ставящей его перед трудным выбором. Поэтому Великобритания проводила максимально сбалансированный и активный курс, чтобы добиться урегулирования конфликта.

Краткий обзор специализированной литературы

По катарскому дипломатическому кризису 2017 г. доступны значительные объемы исследований, где анализируются различные аспекты данного кейса. М. Зафиров [17] разбирает причины, по которым блокада против Катара оказалась неэффективной. М. Нахеем [15] исследовал социально-экономические последствия конфликта для ССАГПЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива). В его работе верифицируются обвинения Катара в финансировании терроризма и исследуются внутренние механизмы Катара по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма.

К. Фрир [14] фокусируется на малоизученных социальных последствиях кризиса. Поскольку конфликт вышел на публичный уровень, для граждан затронутых стран стало почти невозможным не принимать чью-либо сторону. Если предыдущие споры в ССАГПЗ преодолевались благодаря семейным, племенным, религиозным и историческим связям, то катарский кризис «подчеркнул социальные различия, особенно национальную идентичность».

Учитывая, что Турция стала активным участником кризиса и, по мнению некоторых экспертов, спасла независимость Катара, отдельный кластер работ посвящен именно турецкой реакции. О. Акйенер и С. Топрак [10] рассматривают проблему как возможность для сближения Турции и Ирана, которые выступили на стороне Катара, и ставят вопрос о целесообразности поддержки последнего в противовес остальным суннитским монархиям. Осмыслению турецкой позиции посвящено исследование Б. Башкана и О. Пала [11].

И. Фрайхат [13] проводит анализ посреднических усилий сверхдержав и малых стран в разрешении кризиса на примере США и Кувейта. Он сравнивает два типа вмешательства в конфликт с точки зрения их способности погасить напряженность и эффективно разрешить противоречия в Персидском заливе на основе трех критериев: время посредничества, рычаги воздействия посредника (жесткая сила vs легитимность) и интерес посредника. Фрайхат пришел к выводу о том, что посредничество малых государств оказалось эффективнее посредничества великих держав. Первое привело к деэскалации, а второе – еще больше усугубило кризис.

Другие работы затрагивают общеполитические и правовые аспекты катарского кризиса. Некоторые авторы, как Дж. Фернандес [12], видят в нем попытку ограничить свободу СМИ

⁴ الخليج: أزمة غير مسبوقه وتداعيات كبيرة. Al Jazeera Arabic. URL: <https://studies.aljazeera.net/ar/article/595> (дата обращения: 15.09.2021).

(требование закрыть телеканал Al Jazeera). Отдельные ученые исследовали проблемы миграции, связанные с выдворением подданных Катара из трех стран Персидского залива.

Из отечественных исследований можно отметить работу И.С. Егорова [6]. Автор рассматривает причины и последствия дипломатического кризиса и приходит к выводу, что неспособность КСА, ОАЭ, Египта и Бахрейна подавить растущее влияние Катара вынудила их разработать план по силовому свержению властей эмирата. Тем же вопросам причин и перспектив развития кризиса посвящен труд М.Х.Д. Альжаруан [1]. И.О. Ермаков [7] оценил возможности разрешения дипломатического конфликта. И.Ю. Жилина [8] анализирует особенности экономического развития Катара после ввода блокады и разбирает причины ее провала. Е.С. Устинович [9] раскрыла влияние политического кризиса на экономику Катара. Экономические риски для стран ССАГПЗ анализируются в труде М.С. Аль-Макбали [2].

Группа работ российских востоковедов акцентируется на интересах и роли США, а также лоббировании интересов Катара в Соединенных Штатах с целью преодоления блокады. Эти вопросы отражены в работе Д.Б. Графова [4] и Глазовой А.В. [3]. В другом исследовании Графова [5] дипломатический кризис оценен с точки зрения различных подходов к изменению баланса сил между акторами: «оборонительного» и «наступательного» реализма.

Методы

Для проведения качественного разбора проблемы данного исследования и достижения поставленной цели работы применялся метод факторного анализа. Данный метод анализа позволил рассмотреть особенности частных факторов, среди которых выделен политический, экономический, исторический и социально-гуманитарный кластеры взаимоотношений Соединенного Королевства с Катаром и государствами-инициаторами катарской дипломатической и экономической блокады 2017 г. Метод факторного анализа вывел ряд причин, которые обосновывают сбалансированную позицию британской дипломатии в урегулировании катарского кризиса и объясняют необходимость сохранения равноудаленности Великобритании от всех сторон конфликта. Данный метод позволяет классифицировать особенности взаимоотношений Британии с активными сторонами катарского кризиса, анализируя оценки по выше выделенным кластерам и выявляя сходство между ними. Иными словами, исследование военно-политических и социально-экономических связей Соединенного Королевства показывает равноценность всех партнеров в совокупности всех показателей и демонстрируют необходимость урегулирования возникающих кризисных ситуаций в регионе Персидского залива.

Реакция Соединенного Королевства во время катарского кризиса

Первая реакция со стороны Великобритании последовала 12 июня, спустя неделю после начала блокады Катара. Она явно контрастировала с заявлением президента США Д. Трампа о том, что Катар «исторически был спонсором терроризма»⁵. Глава МИД Великобритании Борис Джонсон выразил обеспокоенность жесткими действиями КСА, ОАЭ и Бахрейна и призвал их смягчить блокаду. «Я призываю все государства предпринять немедленные шаги по деэскалации ситуации и найти быстрое решение с помощью посредничества», – сказал Б. Джонсон в Лондоне на встрече с министром иностранных дел Катара Мухаммедом бин Абдуррахман аль-Тани⁶. После встречи министров иностранных дел премьер-министр Великобритании Тереза Мэй провела ряд переговоров с главами КСА и Бахрейна, а также

⁵ Трамп: Катар исторически был спонсором терроризма. BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-40224369> (дата обращения: 18.09.2021).

⁶ UK urges Gulf states to ease blockade against Qatar. Al Jazeera. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/6/12/uk-urges-gulf-states-to-ease-blockade-against-qatar> (дата обращения: 22.09.2021).

эмиром Катара и подтвердила ранее озвученную позицию страны о необходимости частично снять блокаду и начать конструктивный диалог по дэскалации конфликта⁷.

Британские власти проводили сбалансированную политику в отношении всех сторон кризиса и не оставляли без внимания пожелания инициаторов блокады, подчеркивая свою настороженность относительно финансирования различных экстремистских и радикальных политических сил в регионе. Глава МИД Великобритании Борис Джонсон в своем выступлении отмечал, что Катар – хоть и «партнер Соединенного Королевства в борьбе с терроризмом», но ему «нужно срочно приложить больше усилий в борьбе с экстремистскими группами» и обрубить их каналы финансирования⁸.

Спустя месяц после объявления экономической блокады Катара, Б. Джонсон направляется с рабочим визитом в Кувейт, чтобы встретиться там с представителями Катара, КСА, ОАЭ и самого Кувейта. На переговорах с лидером Кувейта Сабахом аль-Сабахом глава МИД Великобритании озвучивает позицию своей страны по кризису в зоне Персидского залива и предостерегает стороны от возможности полноценной военной конфронтации, призывает к началу диалога, поддержав усилия Кувейта в качестве посредника в вопросе урегулирования.

Но самым примечательным итогом этой встречи становится тезис представителя Соединенного Королевства о том, что «Безопасность Персидского залива – наша безопасность», тем самым раскрывая концептуальный подход британских властей к Персидскому заливу в целом и к данному кризису в частности⁹. Выступление главы МИД Великобритании подтверждает возрастающий интерес его государства к странам региона, а также определяет данный регион как зону исключительных интересов. За день до этих переговоров Б. Джонсон встретился с наследным принцем КСА Мухаммедом бин Салманом аль-Саудом и ОАЭ Мухаммедом бин Зайедом аль-Нахайяном, а после Кувейта он направился в столицу государства Катар для встречи с эмиром.

Первичный анализ действий и заявлений властей Великобритании позволяет выделить равноудаленность от всех участников конфликта и сбалансированный подход в содействии урегулированию. Отмеченные особенности позиции Соединенного Королевства во многом определяются финансово-экономическими интересами в этом регионе.

Финансово-экономические интересы Великобритании в регионе

Соединенное Королевство рассматривало Катар в качестве важнейшего торгового партнера в регионе. В марте 2017 г. глава британского правительства Т. Мэй объявила о подписании с Катаром меморандума, целью которого являлось углубление сотрудничества между правительственными и бизнес-структурами по целому ряду областей: образование, здравоохранение, наука, инновации, туризм, культура, транспорт, энергетика, финансовые услуги и развитие малого бизнеса. Основные статьи экспорта в Катар состояли из промышленных товаров и оборудования, предметов роскоши и продуктов питания.

Катар планировал в 2017 г. инвестировать £5 млрд, вдобавок к уже вложенным £35 млрд катарские бизнесмены владели и активно инвестировали в недвижимое имущество, по приблизительным оценкам более 21 млн футов недвижимости находилось в собственности: в

⁷ Britain's Theresa May urges easing of Gulf tensions. Al Jazeera.

URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/06/15/britains-theresa-may-urges-easing-of-gulf-tensions/> (дата обращения: 22.09.2021).

⁸ Gulf crisis: Boris Johnson urges Qatar to crack down on extremists. The Guardian.

URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/12/qatar-al-thani-boris-johnson-saudi-arabia-bahrain-uae-egypt-embargo> (дата обращения: 25.10.2021).

⁹ Boris Johnson urges Gulf states against 'unwelcome' Qatar blockade during Kuwait visit. The New Arab. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2017/7/8/boris-johnson-arrives-in-kuwait-amid-qatar-blockade> (дата обращения: 12.10.2021).

частности катарским предпринимателям принадлежала большая часть небоскреба «Шард», олимпийская деревня, оставшаяся после игр 2012 г. в Лондоне и иные объекты. Примечательно, что некоторые аналитики предполагают, что банк Barclays пережил кризис 2008 г. благодаря финансовым вложениям катарских владельцев акций.

Зарубежные счета Катара, по словам министра финансов Катара Али Шарифа аль-Имади, составляли 250% от ВВП страны. Эти инвестиции могли понадобиться стране, чтобы поправить свое финансовое положение и спасти падающий риал. В условиях падающей из-за Брекзита стоимости британской национальной валюты нависла угроза оттока капитала из Соединенного Королевства. Но катарские власти отметили, что Катар с его резервами чувствует себя «комфортно», и речи об отзыве инвестиций быть не может¹⁰.

В сфере энергетики Великобритания, в отличие от Германии и стран восточной Европы, не входила в список крупных покупателей газа. Однако истощение запасов Северного моря вынуждало ее наращивать импорт. Учитывая, что 42% электроэнергии на территории Великобритании вырабатывалось посредством использования природного газа, поэтому в случае возникновения крупномасштабного конфликта в регионе Персидского залива, британская экономика могла бы лишиться более трети поставок газа, которая транспортируется через Ормузский пролив и Суэцкий канал.

Говоря о сотрудничестве в сфере ВПК, стоит отметить, что Катар никогда не был крупным партнером британского ВПК. По данным АОАВ, с 2018 по 2017 г. сумма ежегодных поставок не превышала 21 млн фунтов стерлингов, за исключением 2015 г., когда контракты составили около 150 млн фунтов¹¹. Ежегодная продажа оборудования двойного назначения лежала в диапазоне 10-30 млн фунтов. Общая сумма оружия и техники двойного назначения, проданной Катару за 10 лет до кризиса, составила 315 млн фунтов¹². После блокады сотрудничество в этой области значительно возросло. В декабре 2017 г. Катар заключил с BAE Systems контракт на сумму 6 млрд фунтов о покупке 24 многоцелевых истребителей Eurofighter Typhoon¹³.

В условиях Брекзита и сокращения экономических связей с европейскими странами Великобритании нужно было укреплять присутствие в третьих странах для дальнейшего привлечения капитала. Во время визита в Саудовскую Аравию в начале апреля 2017 г. глава правительства Тереза Мэй указала на взаимовыгодный характер отношений между странами. К тому моменту власти КСА объявили о начале реализации программы «Видение 2030» с целью сокращения зависимости королевства от нефтяных доходов и переходу к устойчивому развитию, для воплощения которой нужны были инвестиции. Британское правительство рассматривало КСА в качестве «быстро растущего рынка» и договорилось об оказании консультаций в области реформы обороны, здравоохранения и образования¹⁴.

В регионе Ближнего Востока Саудовская Аравия оставалось главным рынком сбыта британской продукции. На нее приходилось 20% всего экспорта товаров и услуг Британии. В 2011 г. товарооборот составлял около \$19 млрд. В экспорте участвовали порядка 6000 британских компаний. Несмотря на готовность на углубление кооперации в 2017 г., Саудовская Аравия не являлась приоритетным торговым партнером Великобритании, так как на данную

¹⁰ Там же.

¹¹ UK arms exports to Qatar. Action on Armed Violence (AOAV). URL: <https://aoav.org.uk/2018/uk-arms-exports-to-qatar/> (дата обращения: 14.11.2021).

¹² Defence Secretary in Doha as multi-billion pound jet contract with Qatar is signed. UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-in-doha-as-multi-billion-pound-jet-contract-with-qatar-is-signed> (дата обращения: 19.11.2021).

¹³ Qatar buys 24 Eurofighter Typhoon jets in £6bn deal. BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/business-42302767> (дата обращения: 22.11.2021).

¹⁴ Theresa May travels to Saudi Arabia powerless to rein in impulsive ally. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/nov/29/theresa-may-travels-to-saudi-arabia-powerless-to-rein-in-impulsive-ally> (дата обращения: 23.11.2021).

страну приходился лишь 1% всего британского экспорта (£6,2 млрд) и 0,4% импорта (£2,8 млрд) товаров и услуг¹⁵.

Но положительная взаимозависимость у стран наблюдалась в инвестиционной сфере. Так, по инвестициям в экономику Королевства Саудовская Аравия Британия занимала второе место после США. На период начала катарского кризиса функционировали 200 британо-саудовских совместных предприятий с общей суммой инвестиций \$13,5 млрд. В свою очередь, саудовские инвесторы вложили \$77 млрд в британскую экономику, что в два раза больше, чем вложения катарских инвесторов¹⁶.

Значительным между странами было сотрудничество в сфере ВТС. Но война КСА в Йемене и растущая критика в адрес саудовских властей по вопросам прав человека в королевстве создавали препятствия для поставок туда вооружений. По данным Верховного комиссара ООН по правам человека, с марта 2015 г., когда началась саудовская интервенция в Йемене против хуситов, погибло 3500 чел.¹⁷ 3,6 млн чел. являются вынужденными переселенцами, и 80% населения (24 млн) Йемена нуждаются в гуманитарной помощи¹⁸.

Британская общественность во всем считала виноватыми коалицию во главе с саудовскими вооружёнными силами. Растущая критика КСА в британском парламенте, по словам министра обороны Майкла Фэллона, тормозила сделку BAE Systems о продаже 48 истребителей Eurofighter Typhon на сумму 4 млрд фунтов. Британская кампания против торговли оружием (Campaign Against Arms Trade) запустила судебный пересмотр решения правительства о продолжении предоставления КСА лицензий на экспорт оружия. 10 июля 2017 г. Верховный суд Соединенного Королевства признал поставки законными, что дало возможность возобновить реализацию второго пакета договоренностей по «Тайфунам»¹⁹. С 2007 г. саудовцы уже приобрели 72 истребителя. В первой половине 2017 г. сумма экспорта британской продукции ВПК в КСА достигла £1,1 млрд.²⁰ В 2015–2019 гг. Саудовская Аравия была лидером в покупке британской продукции ВПК на сумму более 2,2 млрд долл. США²¹.

В 2015 г. 83% экспорта вооружений шло в КСА²². Таким образом, Саудовская Аравия являлась и продолжает являться важным покупателем и приоритетным партнером Великобритании. В энергетической сфере у стран также налажено сотрудничество, в частности Британия импортирует саудовскую нефть. Так, аналитики Greenpeace EnergyDesk подсчитали, что в 2015 г. саудовцы поставили нефть на сумму в £900 млн. На аналогичную сумму британцы

¹⁵ How much is Britain's relationship with Saudi Arabia worth? Shropshire Star. URL:

<https://www.shropshirestar.com/news/uk-news/2018/10/17/how-much-is-britains-relationship-with-saudi-arabia-worth/> (дата обращения: 3.12.2021).

¹⁶ Saudi-British relations remain on solid ground. The Arab Weekly. URL: <https://thearabweekly.com/saudi-british-relations-remain-solid-ground> (дата обращения: 6.12.2021).

¹⁷ Criticism of Saudi Arabia 'not helpful' for UK weapons sales. Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/73e91972-b9a1-11e7-8c12-5661783e5589> (дата обращения: 14.12.2021).

¹⁸ Yemen Humanitarian Crisis. The UN Refugee Agency. URL: <https://www.unrefugees.org/emergencies/yemen/> (дата обращения: 18.12.2021).

¹⁹ UK arms exports to Saudi Arabia can continue, high court rules. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jul/10/uk-arms-exports-to-saudi-arabia-can-continue-high-court-rules> (дата обращения: 11.12.2021).

²⁰ UK sales of arms and military kit to Saudi Arabia hit £1.1bn in 2017. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/24/uk-sales-of-arms-and-military-equipment-to-saudi-arabia-2017> (дата обращения: 17.12.2021).

²¹ The UK's biggest arms export partners. Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/12207/the-uks-biggest-arms-export-partners/> (дата обращения: 19.12.2021).

²² Does UK's lucrative arms trade come at the cost of political repression? The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/12/british-arms-deals-with-saudi-arabia-high-court> (дата обращения: 10.01.2022).

продали в том же году вооружения²³. При этом в совокупном импорте нефти Великобритании Саудовская Аравия занимала второстепенные позиции. Основным импортером оставалась Норвегия, чьи поставки в Британию были сопоставимы с совокупным ввозом нефти из трех следующих в списке стран – США, Алжира, РФ. Саудовская Аравия была лишь на 6-м месте после Нигерии²⁴.

Из других стран, наравне с КСА, стоявших в авангарде бойкота Катара, следует отметить ОАЭ. По статистике Министерства международного развития Великобритании, в 2016 г. ОАЭ стали главным хабом по реэкспорту товаров, произведенных в Британии на Ближнем Востоке²⁵. Британские поставки товаров и услуг в ОАЭ составляли £9,8 млрд – 37% прирост с 2009 г. За пределами ЕС ОАЭ являлись четвертым крупным экспортным рынком для британского бизнеса. ОАЭ также имели важное значение из-за того, что в эмирате Дубай находится крупнейший в заливе порт Джебель-Али, из которого реэкспортом в Иран и Саудовскую Аравию идет значительная часть британского экспорта. ОАЭ оставался вторым импортером британского вооружения на Ближнем Востоке, в 2016-2019 гг. эмиратами было закуплено оружия на £350 млн²⁶.

В ОАЭ на момент начала катарского кризиса функционировало около 770 коммерческих агентств, 4762 британских брендов и 5000 британских компаний. Из состоящего в основном из экспатов 10-миллионного населения ОАЭ около 120 тыс. были гражданами Соединенного Королевства. ОАЭ тоже вкладывали немалые средства в британскую экономику. В ноябре 2017 г. британское правительство обнародовало, что ОАЭ инвестировало до \$2 млрд в сферу ВИЭ в Соединенном Королевстве²⁷.

Торгово-экономические связи Великобритании с Бахрейном значительно уступали ОАЭ, Катару и КСА. Экспорт Соединенного Королевства в эту страну составил в 2017 г. лишь \$640 млн.²⁸ Импорт был не более \$75 млн.²⁹ В последующие годы Бахрейн нарастил экспорт до 300 млн., но товарооборот не превышал \$1 млрд в год.

Согласно вышеприведенному анализу торгово-экономического взаимодействия Великобритании и стран-участников катарского дипломатического кризиса (см. табл.), видно, что Катар оставался ключевым импортером газа и источником инвестиций в Великобританию, но по основным макроэкономическим показателям он сильно уступал союзу во главе с КСА. По инвестициям в Великобританию и товарообороту с ней КСА опережало Катар вдвое. В торговле ОАЭ имели почти четырехкратное преимущество перед Катаром.

Политика балансирования

²³ Там же.

²⁴ Origin countries of imported crude oil and natural gas liquids to the United Kingdom (UK) in 2019. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/381963/crude-oil-and-natural-gas-import-origin-countries-to-united-kingdom-uk/> (дата обращения: 17.01.2022).

²⁵ Doing business in the United Arab Emirates: UAE trade and export guide. UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/exporting-to-the-united-arab-emirates/exporting-to-the-united-arab-emirates> (дата обращения: 18.01.2022).

²⁶ UK Arms Trade and the UAE. URL: <https://www.icfuae.org.uk/campaigns/uk-arms-trade-and-uae> (дата обращения: 4.06.2022).

²⁷ UAE invests nearly \$2bn in UK's renewable energy sector. Arabian Business. URL: <https://www.arabianbusiness.com/industries/energy/383505-uae-invests-nearly-2bn-in-uks-renewable-energy-sector> (дата обращения: 20.01.2022).

²⁸ United Kingdom exports to Bahrain. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/united-kingdom/exports/bahrain> (дата обращения: 6.02.2022).

²⁹ United Kingdom imports to Bahrain. Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/united-kingdom/imports/bahrain> (дата обращения: 18.02.2022).

Влияние Великобритании в Катаре было исторически сильно, а в случае с КСА ситуация складывалась немного иначе. Британо-саудовские отношения начали развиваться еще до создания государства Саудовская Аравия в 1932 г. и складывались весьма непросто. В подходе лидеров КСА доминировал прагматизм, который позволил основателю КСА Абдул-Азизу аль-Сауду наладить отношения с Британской империей. Британские военные и советники сыграли ключевую роль в развитии саудовского государства. Однако Вторая мировая война оказала негативное влияние на позиции Великобритании на Ближнем Востоке, которая уступила свою роль США. Соединенное Королевство продолжало играть важную роль для стран региона, но последующий Суэцкий кризис 1956 г., когда Великобритания, Франция и Израиль атаковали Египет, внесли значительный разлад в отношения Британии с КСА.

В период катарского кризиса Великобритания оказалась перед выбором, который носил стратегический характер во внешней политике страны на ближайшие годы. С одной стороны, нужно было защищать исторического союзника – Катар, с другой – продолжать поддерживать партнерские отношения с КСА и другими странами Персидского залива, экономические отношения с которыми развивались положительно и на взаимовыгодной основе. Все это усложнялось в свете выхода Соединенного Королевства из Европейского союза, и Британия нуждалась в прочных союзах за пределами ЕС. Об этом говорится в вышеупомянутой стратегии «Глобальная Британия», согласно которой Соединенному Королевству необходимо вернуть себе лидирующие позиции в мире, посредством восстановления и укрепления взаимоотношений со странами на основе исторических связей и интересов³⁰.

Значимость региона в значительной степени диктовалась поставками углеводородного сырья. Британии необходимо было гарантировать их безопасность, так как британские военные корабли сопровождают танкеры из региона³¹. В 2014 – 2018 гг. шло восстановление порта Мина Сламман в Бахрейне, британские вооруженные силы также дислоцированы на авиабазах в Катаре (Аль-Удейд) и ОАЭ (Аль Минхад), на военно-морской базе в Омане (Дукм). Великобритания опиралась на страны ССАГПЗ и для реализации своих политических целей в Сирии. Британия совместно с США, Францией и другими европейскими партнёрами предпочитала силовые методы свержения сирийского президента Башара Асада, а финансы для этих целей выделялись ОАЭ, Катаром и КСА. Политические связи со странами укрепляются и через британскую «мягкую силу». Многие члены политического истеблишмента государств региона получили образование в британских ВУЗах. Академическая сфера в ОАЭ, Катара, КСА в значительной степени состоит из британских научных деятелей.

В ходе активной фазы катарского кризиса Великобритания заняла крайне сбалансированную позицию. На переговорах с партнерами представители британских властей заявляли о том, что блокада неприемлема, как и возможность любого вида военной конфронтации. Кроме того, официальные представители Великобритании обозначили свои приоритеты в политике в отношении исследуемого региона, отметив его стратегическую важность для Соединенного Королевства. Сдержанная тактичность и дипломатическая активность продемонстрировали желание Британии развивать и укреплять взаимодействие со странами региона.

Катарский кризис позволил Великобритании испытать основные механизмы внешнеполитической концепции «Глобальная Британия» на практике. В частности, данный кейс позволил Британии апробировать новую роль «медиатора» или «протектора» в регионе.

³⁰ Global Britain: delivering on our international ambition. UK Government. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition> (дата обращения: 16.02.2022).

³¹ Royal Navy warship escorts two Brit tankers through the Gulf hours after Boris Johnson ramps up protection from Iran attacks. The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/9590036/iran-uk-tankers-royal-navy-latest-news/> (дата обращения: 24.03.2022).

Этот фактор имеет высокую значимость и для самих стран региона ввиду сокращающегося присутствия США в регионе и, предполагается, что место Соединенных Штатов сможет занять именно Великобритания.

Также следует отметить, что возможность доказательства практической эффективности участия Британии в урегулировании катарского кризиса и ее растущей роли в регионе была осложнена пандемией COVID-19, которая оказала деструктивное воздействие на политико-экономическое сотрудничество между странами. Но в среднесрочной перспективе ожидается интенсификация взаимодействия Британии с арабскими монархиями Персидского залива как в военно-политической сфере, так и в социально-экономической плоскости.

Заключение

Урегулирование катарского кризиса 5 января 2021 г. на заседании ССАГПЗ в г. Аль-Ула стало возможным благодаря ряду причин, включая бесполезность давления на Катар, пандемию COVID-19, подточившей ресурсы стран региона и роль международных игроков. Если Турция и Иран выступили в роли защитников безопасности Катара, то Кувейт стал площадкой для переговоров. При этом решающую роль в деэскалации кризиса и его мирном решении сыграло дипломатическое вмешательство Великобритании.

Великобритания сочетала в себе обе роли, которые практиковали Кувейт и Турция: «примирителя» и «сдерживающей военной силы». Среди решающих шагов Лондона в решении катарского кризиса можно выделить следующие:

1. *Ранняя реакция.* Глава МИД Борис Джонсон встретился с коллегой из Катара спустя неделю после выдвижения ультиматума Катару и призвал КСА и ОАЭ к деэскалации.

2. *Челночная дипломатия.* Премьер-министр и глава МИД Соединенного Королевства встречались как с катарскими коллегами, так и их противниками из КСА, ОАЭ и Бахрейна. Спустя месяц после начала кризиса Джонсон посетил Кувейт, чтобы встретиться там с представителями Катара, КСА, ОАЭ и самого Кувейта.

3. *Предостережение Лондона.* Имея в регионе Персидского залива военные базы, Великобритания сдерживала КСА, ОАЭ и Египет от военного вмешательства в Катар. Борис Джонсон предупредил во время визита в Кувейт, что «безопасность Персидского залива – наша безопасность».

4. *Балансирование.* Объем ПИИ, поставок нефти и контрактов по вооружениям с КСА и ОАЭ у Великобритании гораздо выше, чем с Катаром. В условиях Брекзита и финансового кризиса Лондон не мог рисковать отношениями с КСА и ОАЭ, поэтому выражал понимание озабоченности этих стран. Балансирование между Катаром и антикатарской коалицией позволило стать успешным медиатором и сохранить влияние в регионе Персидского залива, значимость которого растет ввиду новой геополитической концепции Лондона под названием «Глобальная Британия».

Таблица

Торговые отношения Соединенного Королевства со странами-участниками катарского кризиса в 2017 г. Источник: Trading Economics³²

	Катар	Саудовская Аравия	ОАЭ	Бахрейн
Британский экспорт в \$ млрд	3,1	5,4	9	0,64
Британский импорт в \$ млрд	0,2	1,75	2,2	0,07
Товарооборот с	3,2	7,15	11,2	0,71

³² Таблица составлена Гасановым К.Н. (на основе данных с сайта <https://tradingeconomics.com>).

Великобританией в \$ млрд				
------------------------------	--	--	--	--

Литература

1. *Альжаруан М.Х.Д.* Катарский кризис в Арабском заливе и на Ближнем Востоке. Причины и перспективы развития // В сборнике: XII Фестиваль науки в Москве. сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук. Российский университет дружбы народов; под ред. В. Б. Петрова, О. В. Филатовой, В. А. Цвыка – 2017. – С. 296-306.
2. *Аль-Макбали М.С.* Экономические риски кризиса в Персидском заливе и его дальнейшие последствия // В сборнике: Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Ответственный редактор И.А. Айдрус. – 2018. – С. 6-12.
3. *Глазова А.В.* Роль США в Катарском кризисе: Политические риски для региона // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – Т. 52. – № 1. – С. 98-109.
4. *Графов Д.Б.* Роль и интересы США в Катарском дипломатическом кризисе 2017–2018 годов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – Т. 590. – № 2. – С. 38-56.
5. *Графов Д.Б.* Катарский дипломатический кризис с точки зрения "оборонительного" и "наступательного" реализма // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 2. – С. 38-56.
6. *Егоров И.С.* Катарский дипломатический кризис: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 4. – С. 257-263.
7. *Ермаков И.О.* Дипломатический кризис вокруг Катара и перспективы урегулирования // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1 (15). – С. 117-125.
8. *Жилина И.Ю.* Провал экономической блокады Катара // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. – 2020. – №2. – С. 41-52.
9. *Устинович Е.С.* Как политический кризис повлияет на экономику Катара? // Международная экономика. – 2017. – № 7. – С. 1-1.
10. *Akyener O, Toprak S.* Qatar Crisis and Energy. Energy Policy Turkey // Energy Policy Turkey. – 2017. - Iss. 4. - P. 27-46.
11. *Başkan B., Pala Ö.* Making Sense of Turkey's Reaction to the Qatar Crisis // The International Spectator. – 2020. – Vol. 2. – Iss. 55. – P. 65-78.
12. *Fernandez J.M.* Special report: The Qatar-Gulf crisis: The attack on media freedom and the West's loss of moral authority // Pacific Journalism Review : Te Koako. – 2018. – Vol. 2. – Iss. 24. – P. 158-164.
13. *Fraihat I.* Superpower and Small-State Mediation in the Qatar Gulf Crisis // The International Spectator. – 2020. - Vol. 2. – Iss. 55. – P. 79-91.
14. *Freer C.* Social Effects of the Qatar Crisis // IndraStra Global. – 2017. Iss. 10. – P. 1-4.
15. *Naheem M.A.* The dramatic rift and crisis between Qatar and the Gulf Cooperation Council (GCC) of June 2017 // International Journal of Disclosure and Governance. – 2017. - Vol. 14. – Iss. 4. – No 1. – P. 265-277.
16. *Rossi C.* Game of Thrones: The Qatar Crisis and Forced Expulsions on the Arabian Peninsula // Penn State Journal of Law & International Affairs. – 2019. – Vol. 7. – Iss. 1. – P. 1-52.
17. *Zafirov M.* The Qatar Crisis—Why the Blockade Failed // Israel Journal of Foreign Affairs. – 2017. – Vol 11. – Iss 2. – P. 191-201.

References

1. Alzharuan M.H.D. Katariskij krizis v Arabskom zalive i na Blizhnem Vostoke. Prichiny i perspektivy razvitiya. [Qatari crisis in the Arabian Gulf and the Middle East. Reasons and development prospects]. *III Festival' nauki v Moskve. sbornik nauchnyh statej studentov, aspirantov*

- i molodyh uchenykh fakul'teta gumanitarnykh i social'nykh nauk. Rossijskij universitet druzhby narodov; pod red. V. B. Petrova, O. V. Filatovoj, V. A. Cvyka* [In collected volume: XII Science Festival in Moscow. collection of scientific articles of students, graduate students and young scientists of the Department of Humanities and Social Sciences. Peoples' Friendship University of Russia; ed. V. B. Petrov, O. V. Filatov, V. A. Tsvyk]. 2017, pp. 296-306. (In Russian).
2. Al-Makbali M.S. Ekonomicheskie riski krizisa v Persidskom zalive i ego dal'nejshie posledstviya [Economic risks of the crisis in the Persian Gulf and its further consequences]. *Mirovaya ekonomika v XXI veke: global'nye vyzovy i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. Otvetstvennyj redaktor I.A. Ajdrus.* [In the collection: World economy in the XXI century: global challenges and development prospects. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Executive editor I.A. Aydrus]. 2018, pp. 6-12. (In Russian).
 3. Glazova A.V. Rol' SSHA v Katarskom krizise: Politicheskie riski dlya regiona [The Role of the United States in the Qatar Crisis: Political Risks for the Region]. *Problems of the national strategy* [Problemy nacional'noj strategii]. V. 52, I. 1, pp. 98-109. (In Russian).
 4. Grafov D.B. Rol' i interesy SSHA v Katarskom diplomaticheskome krizise 2017–2018 godov [The role and interests of the United States in the Qatar diplomatic crisis of 2017-2018]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2019, V. 590, I. 2, pp. 38-56. (In Russian).
 5. Grafov D.B. Katarskij diplomaticheskij krizis s tochki zreniya "oboronitel'nogo" i "nastupatel'nogo" realizma [Qatari diplomatic crisis from the point of view of "defensive" and "offensive" realism]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2019, I. 2, pp. 38-56. (In Russian).
 6. Egorov I.S. Katarskij diplomaticheskij krizis: prichiny i posledstviya [Qatari Diplomatic Crisis: Causes and Consequences. Social and humanitarian knowledge]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2019, I. 4, pp. 257-263. (In Russian).
 7. Ermakov I.O. Diplomaticheskij krizis vokrug Katara i perspektivy uregulirovaniya [The diplomatic crisis around Qatar and the prospects for a settlement]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world]. 2018, V. 15, I. 1, pp. 117-125. (In Russian).
 8. Zhilina I.Yu. Proval ekonomicheskoy blokady Katara [Failure of the Qatar economic blockade]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 2, Ekonomika: Referativnyj zhurnal* [Social and Human Sciences: Domestic and Foreign Literature. Ser. 2, Economics: Abstract Journal]. 2020, I. 2, pp. 41-52. (In Russian).
 9. Ustinovich E.S. Kak politicheskij krizis povliyaet na ekonomiku Katara? [How will the political crisis affect the Qatar economy?]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International economics]. 2017, I. 7, pp. 1-1. (In Russian).
 10. Akyener O., Toprak S. Qatar Crisis and Energy, *Energy Policy Turkey*, 2017, I. 4, pp. 27-46.
 11. Başkan B., Pala Ö. Making Sense of Turkey's Reaction to the Qatar Crisis, *The International Spectator*, 2020, V. 2, I. 5, pp. 65-78.
 12. Fernandez J. M. Special report: The Qatar-Gulf crisis: The attack on media freedom and the West's loss of moral authority, *Pacific Journalism Review: Te Koakoa*, 2018, V. 2, I. 24, pp. 158-164.
 13. Fraihat Ibrahim. Superpower and Small-State Mediation in the Qatar Gulf Crisis, *The International Spectator*, 2020, V. 2, I. 55, pp. 79-91.
 14. Freer C. Social Effects of the Qatar Crisis, *IndraStra Global*, 2017, I. 10, pp. 1-4.
 15. Naheem, M.A. The dramatic rift and crisis between Qatar and the Gulf Cooperation Council (GCC) of June 2017, *International Journal of Disclosure and Governance*, 2017, V. 14, pp. 265–277.

16. Rossi C. Game of Thrones: The Qatar Crisis and Forced Expulsions on the Arabian Peninsula, *Penn State Journal of Law & International Affairs*, 2019, V. 7, I. 1, pp. 1-52.
17. Zafirov Miroslav. The Qatar Crisis—Why the Blockade Failed, *Israel Journal of Foreign Affairs*, 2017, V. 11, I. 2, pp. 191-201.